

УДК 947.084.8

С.В. Кулик

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

КУЛИК Сергей Владимирович – профессор кафедры истории Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ; доктор исторических наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kulik54@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается история мемориализации памяти солдат, погибших в 1942 году во время Любанской операции. Прослеживается эволюция отношения власти и общества к захоронениям павших в Великой Отечественной войне и к поисковой работе.

Ключевые слова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ; ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ; ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ; ПАМЯТНИКИ.

Вопросы мемориализации памяти жертв Великой Отечественной войны на Северо-Западе России отнюдь не так просты, как это может показаться на первый взгляд. Боевые действия на этой территории велись практически на всем протяжении войны – с 1941 по 1944 год.

Бои в этом регионе были долгие, ожесточенные и не всегда победные для Красной армии. Блокада Ленинграда, Демянский котел и, наконец, трагедия 2-й Ударной армии – вот только несколько военных операций, где наша страна понесла тяжкие, невозполнимые потери.

Многие населенные пункты, где были кладбища как советских воинов, так и мирных жителей, после войны так и не возродились. Дороги к ним постепенно исчезли, так что представителям поискового движения пришлось их «открывать заново» через многие десятилетия.

Значительное количество военнослужащих долгие годы считаются «пропавшими без вести». Они могли погибнуть как во время отступления, так и в окружении. К сожалению, долгие годы трагическая судьба воинов 2-й Ударной армии непосредственно связывалась с именем генерала Андрея Власова.

А.А. Власов, перешедший на сторону противника, возглавивший Русскую освободительную армию (РОА), казненный в 1946 году по приговору советского суда, стал косвенным виновником того, что государство обратило внимание на проблему захоронения и мемориализации останков солдат, погибших в 1942 году при проведении Любанской операции, только в 1980-е годы.

В песне Владимира Высоцкого «Братские могилы» есть такие строки: «На братских моги-



лах не ставят крестов». Это утверждение было правильным лишь для 1940–1980-х годов. Издавна на Руси на местах захоронений павших воинов возводились церкви, часовни, устанавливались поклонные кресты.

Для эпохи СССР был характерен совершенно иной подход. На местах гибели революционеров, военнослужащих Красной армии возводились памятные стелы, монументы, увенчанные красными звездами. Во время Великой Отечественной войны часть из них оказались на территории, оккупированной гитлеровцами. В результате этого в центре многих русских городов на постаментах снесенных советских памятников были установлены различные «символы благодарности русского народа Великой Германии и ее фюреру». Так, в Калинин (ныне – Тверь) на площади Революции вместо памятника Ленину оккупанты установили гигантскую свастику. Почти такой же памятник появился в Пскове. Там весной 1942 года был переделан монумент «Жертвам Революции», и после установления свастики он стал называться «В память освобождения Пскова от большевизма германскими войсками» [1, с. 430]. Таким образом, этот памятник нес на себе визуальный элемент идеологии нацизма. После освобождения Пскова от оккупантов свастика была сбита, а памятник получил свое первоначальное название.

Как уже отмечалось, Северо-Запад России стал ареной долгих ожесточенных боев между Советской армией с вермахтом. Первые памятники стали сооружаться еще во время войны. Они были очень скромными, и часто под ними хоронилось несколько десятков солдат. Участник боев на Волховском фронте Александр Добров так описывал это: «Перешли Волхов у деревни Горка и там, где начинаются кусты за рекой, увидели, как похоронная команда, сплошь пожилые, не пригодные к строевой службе солдаты, хоронят наших бойцов и командиров, сложенных в штабель, как поленья...

Рядом вырыта квадратная яма, примерно четыре на четыре метра и в глубину метра три. Раздетые тела погибших укладывают рядами, пока эту яму не заполнят до определенного уровня. Затем ее зарывают и сверху оформляют как обычную могилу на одного покойника» [2, с. 80–81].

Такие полковые кладбища были разбросаны на всем протяжении Волховского фронта.

Обычно они оформлялись очень просто, без каких-либо излишеств, из имеющихся подсобных материалов. Очень быстро эти кладбища стали ветшать. Если за ними никто не ухаживал, они зарастали кустарником и деревьями, практически сливаясь с землей.

После снятия блокады Ленинграда началось восстановление шоссе и железной дороги Москва – Ленинград. У Мясного Бора, как и на других участках, где когда-то шли ожесточенные бои, проводилось разминирование шоссе и железнодорожной насыпи. Путь к местам гибели и захоронений красноармейцев был часто опасен для жизни.

Местные жители, собиравшие в лесу грибы и ягоды, опасались сойти с тропинки. Указатели «Мины» стояли сразу в 50 метрах от железной дороги. Многие деревни и хутора по этой причине практически обезлюдели. Например, в деревне Ольховке из-за мин нельзя было пасти скот, копать огороды. Косы ломались, натываясь в траве на черепа, и местные жители из-за этого оставили Ольховку. Вслед за воинами, когда-то сражавшимися здесь, они стали называть этот лес, находящийся в 100 километрах от Ленинграда, «Долиной смерти» [3, с. 351–352].

В условиях тотального дефицита первых послевоенных лет даже мемориальные памятники в деревнях и небольших городках сооружались из весьма простых и нестойких материалов: фанеры, дерева, ржавеющих металлических конструкций. Через некоторое время они также пришли в негодность. Где-то на их месте были возведены новые памятники, а где-то они практически исчезли.

Инициатива поиска и захоронения павших в этом районе возникла «снизу». С 1946 года в Мясном Бору начал свою поисковую деятельность Николай Иванович Орлов, семья которого недавно вернулась из эвакуации. В 1940–1950-х годах он работал на железной дороге у станций Мясной Бор и Спасская Полясть.

Самодельный поэт и художник, он всю свою жизнь посвятил исследованию и восстановлению военных памятников северо-запада Новгородской области. Почти все убитые здесь советские солдаты числились в 1940–1950-х годах «пропавшими без вести». Н.И. Орлов отыскивал у погибших опознавательные медальоны, по имевшимся там адресам пытался установить связь с их семьями. В то время это было очень

важно для оставшихся родственников — ведь семьи пропавших без вести не получали тогда никакого пособия [3, с. 352].

В 1958 году Н.И. Орлов переехал в село Подберезье, южнее Мясного Бора. Там из учеников сельской школы он организовал поисковый отряд «Юный разведчик», который проделал большую работу по сбору останков и установлению имен погибших воинов. В дальнейшем Николай Орлов перешел работать аппаратчиком на Новгородский химкомбинат «Азот» и переехал жить в Новгород. На «Азоте» в 1968 году он создал поисковую группу из молодежи. Со временем эта группа выросла в молодежный патриотический клуб «Сокол». 28 мая 1982 года на химкомбинате был открыт музей по истории Любанской операции [4, с. 32–39].

Долгие годы местные власти относились к деятельности Н.И. Орлова настороженно-равнодушно. Они придерживались бытательской версии о том, что «в Мясном Бору лежат предатели-власовцы». Это избавляло власти от лишних хлопот по организации похорон, а государство — от новых затрат на помощь семьям погибших. К тому же, местность у деревни Мясной Бор значилась принятой от Министерства обороны СССР для хозяйственного использования. В 1970-е годы существовал даже проект устройства в Мясном Бору зоны отдыха для жителей Новгорода [3, с. 355].

В СССР, с одной стороны, был культ героев Великой Отечественной войны. Книги и фильмы о тех событиях выходили регулярно, существовало большое количество официальных воинских захоронений. К самым известным можно отнести мемориал советским воинам в Трептов-парке в Берлине, открытый в мае 1949 года. Однако затерянные на Северо-Западе России могилы были символом не победы, а тяжелых поражений. Для того чтобы их возродить, требовались не только значительные материальные ценности, но и изменение подхода к оценке самой войны, не только как к «Великой победе».

В каком состоянии были захоронения периода войны, видно из следующего факта. Одна из участниц поискового отряда «Сокол» в 1968 году во время похода около Мясного Бора присела отдохнуть на пенек и вдруг почувствовала, что в ее сапог упирается гвоздь. Наклонившись, она подняла алюминиевую дощечку, на которой было написано: «Здесь покоится

тело старшей медсестры 364-го передвижного полевого госпиталя Марсаковой Таисии Никитичны, родившейся 15.09.20 г., скончавшейся 27.05.42 г. От боевых товарищей 364-го п. п. г.» [4, с. 32–39].

Следует отметить, что месторасположение полковых кладбищ, а также места захоронений конкретных военнослужащих можно было установить как по документам, так и по воспоминаниям их боевых товарищей. Гораздо сложнее судьба пропавших без вести. Из-за отступления и жестоких боев похоронные команды далеко не всегда могли собрать останки погибших. На многие годы они так и остались лежать в воронках, блиндажах, окопах — там, где их настигла смерть.

Формой общественной мемориализации памяти в первые послевоенные годы стал не только поиск родственников, погибших в боях, но и создание общественных музеев. Долгие годы Анна Ивановна Супрун искала могилу своего мужа. Из письма его подчиненных она знала, что своего погибшего командира они похоронили на северной окраине деревни Ольховки.

В 1967 году Анна Ивановна решила написать в ту самую Ольховку, как она сама позднее рассказывала, «добрым людям». Но письма попадали не в добрые, а в равнодушные и жестокие руки. Однажды на почту в этой деревне зашел Николай Иванович Орлов и увидел такую картину: работница почты рвала на мелкие клочки какое-то письмо, при этом раздраженно говоря: «Вот какая-то чудачка все пишет, чтобы ей помогли найти могилу мужа, который погиб в Ольховке!» [Там же. С. 52].

Орлову удалось найти очевидца захоронения комиссара Супруна, о чем он сразу сообщил А.И. Супрун. Перезахоронили Якова Артемовича Супруна на братском кладбище близ бывшей деревни Любино Поле, около автомобильной трассы Москва — Ленинград. Николай Иванович сделал проект обелиска из бетона и сам соорудил его. Позднее члены клуба «Сокол» изготовили обелиск из нержавеющей стали [Там же. С. 53].

А.И. Супрун, проживавшая на Украине, в городе Жданове (сейчас — Мариуполь), решила создать в своей квартире домашний музей, посвященный бойцам, погибшим под Ленинградом. Он начинался с писем участников



битвы за Ленинград. Их воспоминания, фотографии стали первыми экспонатами музея. К середине 1980-х годов материалы этого музея были строго систематизированы, каждый стенд получил свое название. Среди них: «Клуб Сокол», «Они вечно молодые», «Все о комиссаре Супруне», «Медсестры 2-й Ударной» и др. Музей, по мнению его организатора, служил в первую очередь делу увековечения памяти погибших. Среди его посетителей тогда было много молодежи [4, с. 59].

По своей сути поисковое движение началось благодаря подвижничеству нескольких десятков человек. Некоторые из них тратили на это дело не только свое личное время, но и свои деньги. Но это вызывало у них не чувство гордости, а чувство даже некоторого стеснения: «Рассказывали, что во время похорон у братского кладбища остановилась легковая машина с иностранными знаками. Из нее вышла супружеская чета. Видимо, туристы. Узнав, что хоронят павшего на войне героя, указывая на оркестр, венки из живых цветов, они спросили на ломаном русском языке у одной из женщин: «Все это устроено на государственные средства или на деньги родственников погибшего?» — «У нас честь героям народ отдает, а значит, государство!» — ответила та. Супруги переглянулись, что-то пробормотали по-английски и отошли в сторону [Там же. С. 27].

Благодаря активной позиции Н.И. Орлова у Мясного Бора появилось три воинских кладбища. С помощью поисковиков отряда «Сокол» только на первое кладбище у деревни Мясной Бор, напротив Южной дороги, было перенесено из леса около 5,5 тысяч погибших воинов. Настойчивость Н.И. Орлова привела к тому, что местные власти наконец-то обратили внимание на Мясной Бор как место, где находятся незахороненные советские солдаты [3, с. 355].

Самым памятным, самым счастливым годом своей жизни Николай Иванович считал 1968 год. Тогда произошла его первая встреча с С.С. Смирновым. По приглашению Новгородского обкома ВЛКСМ известный писатель, лауреат Ленинской премии (присуждена в 1965 году за книгу «Брестская крепость») приехал на областной слет красных следопытов. Поддержка столичного автора, регулярно выступавшего по Центральному телевидению с патриотическими

программами, оказалась серьезной поддержкой для всего поискового движения.

С.С. Смирнова можно оценить как личность сложную и неоднозначную. С одной стороны, он активно осуждал Бориса Пастернака и Александра Солженицына, а с другой — выступал против фактической реабилитации всех действий И.В. Сталина, которая началась в СССР в 1970-х годах. Смирнов сделал очень много для восстановления памяти тех участников войны, которые на долгие годы были практически забыты и дискредитированы: военнопленных и пропавших без вести.

К осени 1969 года С.С. Смирнов написал сценарий фильма о поисковой деятельности Н.И. Орлова — «Комендант «Долины смерти». Сценарий был опубликован в нескольких номерах газеты «Новгородская правда». Этот фильм сняли, состоялся его просмотр в Новгородском обкоме КПСС. Но едва газета «Советская Россия» поместила о нем заметку, как Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота тут же затребовало пленку. К Орлову явились представители Главного политического управления и потребовали доказать им, что до сих пор в лесу между Новгородом и Ленинградом лежат непогребенные советские воины. Им продемонстрировали всего одну воронку, полную останков убитых солдат. Этого оказалось достаточно [Там же. С. 357].

В начале 1970-х годов в СССР стали возникать комитеты ветеранов частей и соединений времен Великой Отечественной войны. Одним из направлений деятельности комитетов являлась организация коллективных поездок ветеранов на места боев. В таких поездках ветераны проводили встречи со школьниками, что должно было оказывать помощь патриотическому воспитанию. Беседы ветеранов с педагогами и учащимися способствовали созданию школьных поисковых отрядов и музеев боевой славы. Однако в школах у Мясного Бора и Спасской Полисти поисковые отряды возникли гораздо раньше. Произошло это, вероятно, под влиянием Н.И. Орлова [Там же. С. 358].

В помощь Орлову стали выделять воинские подразделения. Например, в 1977 году вместе с ним работали воины-десантники. По воспоминаниям Н.И. Орлова, работали они вполне добросовестно и честно: «Только в районе речушки Полисть (это как раз в центре прорыва)

мы взорвали около семи тысяч боеприпасов и собрали останки примерно 500-600 воинов, хотя по этим местам работы велись уже много лет. Мне лично удалось по медальонам установить около 400 фамилий погибших и сообщить их родственникам» [3, с. 355].

Количество поисковых отрядов постепенно росло. В 1970-х годах одновременно с «Соколом» активными поисками в Мясном Бору занимался ленинградский клуб «Бригантина». С 1976 года поиски в Мясном Бору начали студенты из Казани. Их привело сюда желание ознакомиться с местами, где воевал известный татарский поэт Муса Джалиль, автор «Моабитской тетради». Они организовали сводный патриотический отряд «Снежный десант», который стал проводить регулярные экспедиции для работы вместе с «Соколом».

Несмотря на все положительные сдвиги, в отношении местных властей к Мясному Бору больших перемен не произошло. Так, в 1977 году в Новгород возили песок для строительства шоссе, в котором попадались человеческие кости и опознавательные медальоны. Песок возили из Панковского поселка, где в июне 1942 года сражалась 327-я дивизия. Немцы убрали убитых в песчаный карьер, и теперь экскаватор разрыл их могилу. Протесты рабочих-строителей ни к чему не привели, песок продолжали возить и вместе с останками бросать под асфальтовый каток [Там же. С. 359].

Новгородское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры тоже не спешило проявить какой-либо интерес к захоронениям в Мясном Бору. Руководство областного отделения общества во главе с ветераном войны бывшим полковником М.Е. Поповым упорно продолжало считать всех погибших в Мясном Бору предателями и поэтому не видело необходимости отдать им последний долг как павшим за Родину [Там же. С. 359–360].

В середине 1980-х годов вновь начались споры об увековечивании памяти погибших солдат. На протяжении всех этих лет поисковики создавали памятные знаки, по сути, из «подсобных материалов», т. е. из дерева, обломков оружия. На средства, выделяемые государством, ставились традиционные советскиеobelisks. В условиях перестройки начались дискуссии о том, что образ памятника погибшим воинам

необходимо изменить. В 1988 году прошла Всесоюзная вахта памяти.

В это время был объявлен конкурс на лучший эскизный проект памятного знака погибшим в ходе Любанской операции в Мясном Бору. На конкурс поступило несколько десятков проектов, которые можно разделить на две основные группы: памятники, включающие в себя религиозную символику, и традиционные советские монументы.

Большинством голосов классная премия была присуждена кандидату архитектуры, участнику Великой Отечественной войны И.И. Кушнису, предложившему проект «Стрелка»: крест высотой 28 метров. Площадка, на которой должен был быть установлен крест, увязывалась с большой усеченной пирамидой, покрытой солдатской каской. Внутренний объем знака предназначался для организации выставки [5].

Поощрительные премии получили еще три участника конкурса. Архитектор-реставратор Л.Е. Красноречьев предложил проект «Храм». Памятный знак был исполнен в виде православной церкви с двумя отдельно стоящими звонницами по краям.

Художник В.Ф. Трофимов в своем проекте постарался показать неразрывную связь погибших воинов с Ленинградом. Он использовал идеи, воплощенные при возведении мемориала «Пискаревское кладбище» и памятника Победы в Ленинграде, — те же композиционные решения, скульптурные группы, подчеркивающие единство Любанской операции и блокады города на Неве [Там же].

В.Н. Гончаров предложил насыпать курган, завершающийся цветной колонной со стилизованными полотнищами. Открывала же композицию разорванная стела, слева и справа от нее — скульптурная рука, сжимающая автомат, и ладонь бойца, не бросающего оружия [Там же].

Все эти проекты активно обсуждались общественностью. Но из-за распада Советского Союза, наступившего периода экономической и политической нестабильности в стране создание памятника было отложено на несколько лет. Лишь 22 июня 1995 года состоялся траурный митинг, посвященный закладке первого камня на строительстве мемориального комплекса бойцам, павшим в годы Великой Отечественной войны, и он совпал с трауром по погибшим от рук террористов в Буденновске [6].



К этому времени уже более 18 тысяч останков воинов были найдены и захоронены в Мясном Бору участниками поисковой экспедиции «Долина». Полторы тысячи добровольцев из 42 городов России приняли участие в поисковых работах. Мемориальный комплекс предусматривал возможность дальнейшего захоронения погибших солдат. Ассоциация «Военные мемориалы», представляющая интересы Министерства обороны, выделила на его строительство сумму в 500 млн рублей.

В центре комплекса предполагалось установить памятник в виде разрушенной часовни высотой 22 метра в бело-черно-золотой гамме. Как заявил один из авторов проекта Владимир Воронцов, «белый цвет олицетворяет жизнь, черный – смерть, золотой – возрождение». По проекту, часовня должна была быть увенчана покрытым золотой краской полутораметровым крестом [6].

Мемориальный комплекс у деревни Мясной Бор стал включать с себя как традиционные советские, так и русско-православные элементы. В 2005 году здесь появился еще один памятник, который заменил символическую

скульптуру скорбящей Родины. По замыслу скульптора Вячеслава Клыкова он должен был отражать память о всех погибших солдатах и офицерах: «Среднего роста офицер в гимнастерке с художественными складками держал в руке знамя бригады, кончик древка которого с серпом и молотом очень удачно пришелся напротив лика Богородицы на часовне» [7].

На протяжении последних десятилетий поисковые отряды регулярно съезжаются в «Долину смерти» и находят останки тех, кто погиб здесь в 1941–1942 годах. Эта работа продолжается. После начала строительства высокоскоростной магистрали Москва – Санкт-Петербург в нее были внесены коррективы. Необходимо было проверить все участки дороги, где могли находиться незахороненные останки.

Сегодня в Мясном Бору среди редкого послевоенного леса, рядом с дорогой Москва – Санкт-Петербург, выросло большое кладбище с белой часовней и десятками братских могил. Всего более чем за двадцать лет работы поисковой экспедиции «Долина» было найдено 98 839 останков, из них более 23 тысяч получили имена (по данным за 2012 год) [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.
2. Добров А.С. 305-я стрелковая дивизия 1-го формирования в боях под Новгородом: 1941–1942. Великий Новгород, 2011.
3. Гаврилов Б.И. «Долина смерти»: трагедия и подвиг 2-й Ударной армии. М., 2006.
4. Рождественская Л.А. В поиске – «Сокол». Л., 1984.
5. Новгородский комсомолец. 1991. 26 марта.
6. Новгородские ведомости. 1995. 24 июня.
7. Новая Новгородская газета. 2005. 29 июня.
8. Электронный ресурс. URL: <http://news.novgorod.ru/news/95638/> (дата обращения: 26.12.2013).

S.V. Kulik

MEMORIALIZATION OF REMEMBRANCE OF THE VICTIMS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA

KULIK Sergey V. — *St. Petersburg State Polytechnical University*.
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: kulik54@mail.ru

Abstract

The article deals with the history of memorialization of remembrance of soldiers who died during the Luban military operation of 1942. The author examines the evolution of relations between of authorities and society to the graves of fallen in Great Patriotic War and the search for work.

Keywords

GREAT PATRIOTIC WAR; NORTH-WEST OF RUSSIA; SEARCH MOVEMENT; WAR GRAVES; MEMORIALS.

REFERENCES

1. Kovalev B.N. *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoy okkupatsii* [The Everyday Life of the Population of Russia During the Nazi Occupation]. Moscow, 2011. (In Russ.)
2. Dobrov A.S. *305-ya strelkovaya diviziya 1-go formirovaniya v boyakh pod Novgorodom: 1941–1942* [305 Infantry Division of 1st formation in battles near Novgorod: 1941–1942]. Velikiy Novgorod, 2011. (In Russ.)
3. Gavrilov B.I. *“Dolina smerti”: tragediya i podvig 2-y Udarnoy armii* [“Death Valley”: the tragedy and the exploit of the 2nd Attack Army]. Moscow, 2006. (In Russ.)
4. Rozhdestvenskaya L.A. *V poiske – “Sokol”* [“Sokol” is searching]. Leningrad, 1984. (In Russ.)
5. “Novgorodskiy komsomolets”, 1991, 26 March. (In Russ.)
6. “Novgorodskiyye vedomosti”, 1995, 24 June. (In Russ.)
7. “Novaya Novgorodskaya gazeta”, 2005, 29 June. (In Russ.)
8. Available at: <http://news.novgorod.ru/news/95638/> (accessed 26.12.2013).